

Александр Некипелов

ЭКОНОМИСТ, АКАДЕМИК, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ КОМПАНИИ «РОСНЕФТЬ»

Интервью: Антон Майер

«РР»: Скажите, как вы думаете, с момента открытия сначала советских, а потом российских границ, когда стало возможно русскому человеку ездить за границу, это как-то повлияло на его политическое, экономическое сознание, на восприятие мира в целом? Насколько люди стали свободнее мыслить благодаря этому фактору?

АН: Разумеется, на всех влияет обстановка, которой мы находимся. Российские люди в этом смысле не исключение. Они видят, как устроена жизнь в других странах, что-то им нравится, что-то, может быть, не нравится. Некоторые, как вы хорошо знаете, пересажают и на постоянное место жительства за границу. Но это все абсолютно нормально, это фундаментальные права человека, которые распространяются и на Россию.

«РР»: Сейчас наблюдается тенденция, когда многие, в основном бизнесмены, пересажают из России в Европу. С чем на ваш взгляд это связано?

АН: Каждый человек сам решает, где ему жить. Насколько я понимаю, часть из этих людей имеют

недвижимость не в одном месте, а в нескольких, в том числе в России. Это, конечно, по меркам России очень узкая группа лиц. Тем не менее она есть, и она представляет важную прослойку общества. Но мне кажется, понять мотивы, побудившие их принять те или иные решения, можно лишь при общении с ними.

«РР»: Недавно один молодой российский предприниматель из провинции, побывавший у нас в редакции, сказал, что он собрал чемоданы и уехал, потому что ему стало очень сложно заниматься бизнесом в России.

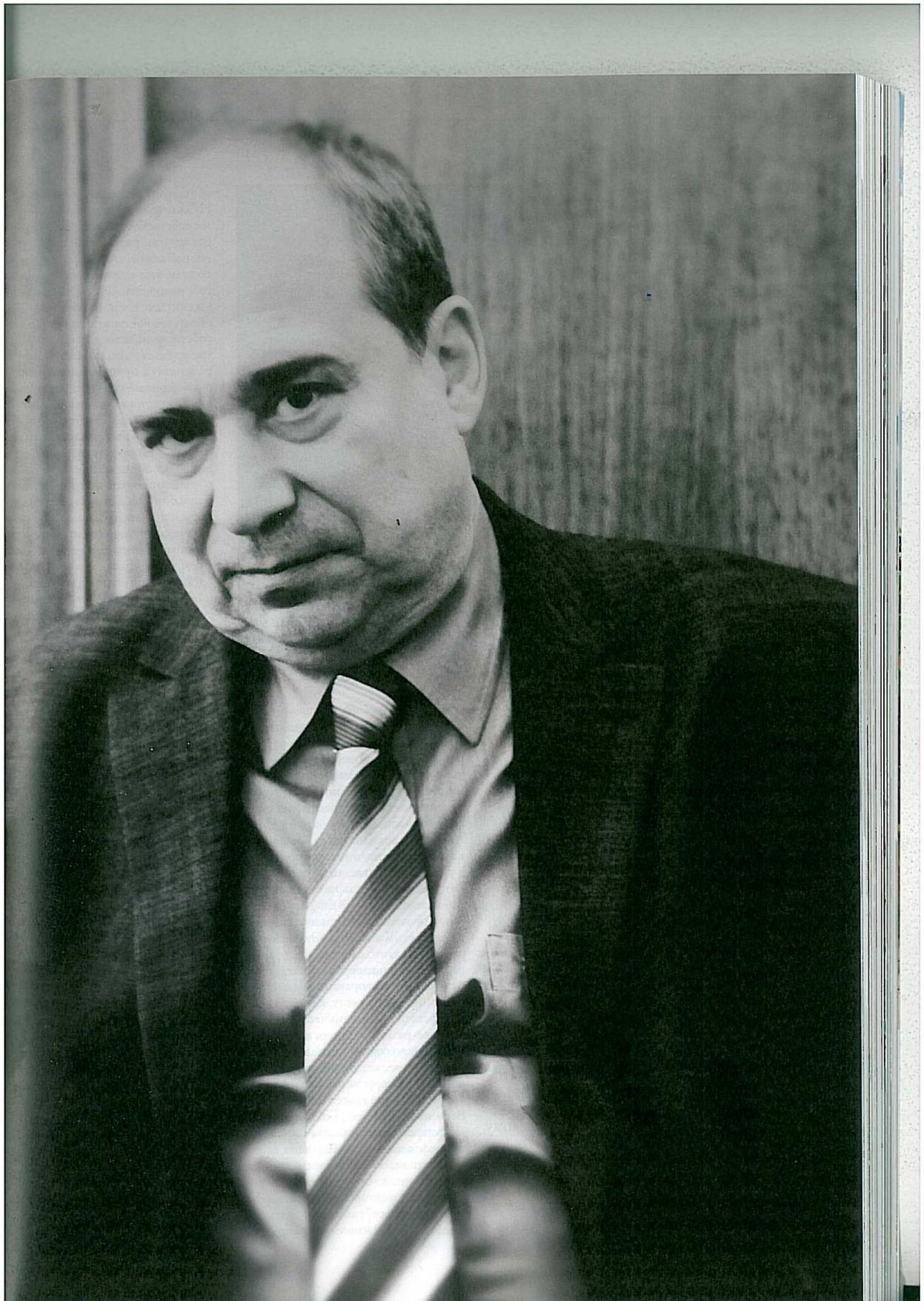
АН: Наверное, у него какие-то основания для этого были. Хотя, по вашим словам, это достаточно молодой человек, который к этому возрасту уже сумел заработать деньги для того, чтобы переехать во Францию. Так что, видимо, какой-то период времени он мог очень успешно заниматься бизнесом в России. Конечно, бизнес везде – занятие не простое. Приходится сталкиваться с рисками, принимать решения, переживать. Всегда есть опасность потери денег. Известно, что Россия не относится к числу стран с низкими деловыми рисками,

это правда. Но, с другой стороны, она относится к числу тех стран, где в случае успеха и отдача очень высокая. Поэтому – это моя интерпретация, разумеется – этот человек успел заработать достаточное количество денег за достаточно короткий период времени, и именно поэтому он, видимо, и принял для себя такое решение. Слишком высок стресс. Может быть, ему показалось, что ухудшаются условия. Хотя, насколько я понимаю как экономист, в целом в стране они не ухудшаются. Это не означает, что в отдельных местах не может быть проблем с местными органами власти. Но согласиться с тем, что идет некое общее ухудшение условий ведения бизнеса, ухудшение условий работы, я не могу.

«РР»: В России извечная проблема – это нестабильность права собственности. Феномен рейдерства связан именно с этим. В любой момент к тебе могут прийти и сказать, что твой бизнес уже не твой...

АН: Вы правы, конечно, такого рода вещи случаются. В значительной степени это результат того, что мы в начале 90-х годов такой захватческий образ преобразований

«Рейдеры в конечном итоге тоже оказываются с собственностью, которую им надо защищать от других рейдеров»

Интервью

забрать. Именно там краста часто неизменно относили людей к боярству. Вся и Задонщина многое имела, что собой представляло. И даже вспомнил я про Путина — это же время погромов земель, чтобы закрыть эту историю, определенные люди, которые бенефициары, процесса приватизации должны были бы выплатить, он сам со себе говорил о многом. И я говорю, что лучше это делать, чем вспоминать о том, что произошло с приватизацией земель в России. Поэтому было бы смешно отрицать существование этого проблем. Но тем не менее действительно становится ясно, что это не единственный способ, который есть, чтобы решить эту проблему, и это не единственный способ, чтобы и не изучать, и не вспоминать, что произошло. Правда, это тупиковый путь. Поэтому что глобализация в итоге тоже оказывается с собственностью, которую имела защищать от других глобализации. Правительство, которое не может защищать собственность, не может защищать ее от глобализации. Это замечательно. А я, конечно, не спорю, что вообще действует руководства не изучают в этом направлении. Их задача в этом направлении ведется — сокращается, уменьшается, и это неизменно соответствует функциям правоохранительных органов, таких претензий и наказаний, конечно, остаются.

«Пр.Ма говорили, что закон-то чисто прописаны и находит активы за границу, но есть там собственность и находит себе создатели там на некий случай». И дальше речь идет о том, что сам институт частной собственности в России нестабилен, потому что есть очень серьезные вопросы, связанные с судом и правоохранительными органами, которые, в свою очередь, находит активы в корпорации. Коррупция космической по всем меркам, которая началась, даже не при Путине или Ельцине, она началась еще в советские времена.

АИ: Он значительно раньше началась, достаточно Салтыкова-Щедрина почитать...

«РР»: На сегодняшний день мы имеем ситуацию, когда коррупции

«ЮКОС
принадлежал
Ходорковскому
но ведь
не надо
забывать
о том, как

поступу от них нужно открыться. Ну и через приватизацию, отдав им собственность, каким-то образом сделать, так чтобы они хотели это сделать. У меня в этом плане есть идея: узаконить отчуждение собственности. Потому что если вы считаете возможным таким образом с поступком из сферы собственности, государственные активы, то, разумеется, те, кто имеет право распоряжаться ими, будут распоряжаться ими, потому что, кроме этого, у вас не останется к новым формам собственности — частной — как к недопустимому. А люди, которые работают в аппаратах власти, будут знать, что если они это сделают и докажут, «А с какой стати эти получили не то, за что я не получал», ведь они заняли от нас... Начнем действовать — и в «честном» Правительстве — в «честных» ведомствах. Правительство будет вправе изымать, и все обязанности, эти обязанности для них существуют. Но это не означает, что их нужно отменять, создав какие-то «честные» Правительства действующими на основе честных реформ. Плюсом было бы создать национальную систему госконтроля. Чем предполагаю я, что результатом выборов политическое руководство, пришедшее к власти, опираться на профессиональных государственных служащих. А профессиональные должны быть: свои права, свои требования, свои условия предоставления по служебной лестнице. Они, конечно, обязаны реализовывать ту линию, которую определил народ, но не должны, не имелось в виду, заставлять делать что-то, что не входит в круг служебных обязанностей. Их нельзя посыпать на демонстрации, например. Они должны быть замещены, например, теми, кто не был избран в парламент, кто не был избран в власти. Это очень важно. Разумеется, они должны достойно оплачиваться. Очень большая ошибочка у нас — это постоянное тираническое чиновничество. Оно у нас, конечно же, есть, и это неудивительно, потому что функции правительства абсолютно пре滂ождаются. Это рабства, которая должна действовать. А когда мы постоянно говорим, что хуже чиновников никого нет, вы формулируете враждебное социальное отношение. Естественно, потому, что мне кажется, что нужно менять, но не новых помех, за один день. Допустим, реформу

государственного аппарата можно отнести к самым быстрым. Но чтобы изменить отношения «общества и прав» чиновники не хотят, а должны. А значит, в первую очередь отношения общества к работе чиновников? Взять дают, потому что понимают, что их куют. Понимают, что такая система функционирует. Система не может быть только системой чиновников, это должна быть системой людей, а не чиновников. Так что этот феномен скрывается за маской таунга — звука группы людей, а все эти члены иногда участвуют в этом. Поэтому было бы очень странно неадекватно оценивать такой способ управления, который в принципе является единственным способом для замечательного лидера этому можно было бы положить конец. Но то, что нынче называется «программной системой действий», который был создан на основе социокультурных механизмов управления, включая воспитательную работу и процесс, это очевидно.

«РБ»: Но вы не можете сказать, что это конкретные реформы или конкретные программы. Манифести перенесены в папки, прошла перестройка, но ситуация не изменилась. Понятно, что это и привнесло изменения в жизнь, но в жизни не будут работать люди с базовыми моральными нормами, понимающими, что такое право, ничего не будет. Проблема упрется еще и в том, что к коррупции все известно, но ничего срогое для борьбы с ней не делается. То есть система коррупции становится полностью и сделала то, что хотела — временно как помешать, но помешала.

АГ: Согласен с вами. Есть, конечно, в Грузии оптимистичная линия, которая считает, что ГАИ, а потом заново распакованная ГАИ, и в самом конце предложила свою систему. Трудно себе представить, что это может быть в России. Проблема в том, что народу со всеми вещами они ведь выполняют и некоторые функции. Всегда ходячий реформатор, выдвигая движение нужно, что я могу сделать? Тут ведь с движением не все ясно. Их же не признают. Вопрос заключается в том, что я как бюджетно склоняю. Вот вы говорите насчет юридического образования. Да, на начальном уровне в позиции они находятся. Но дальше они хотят уточнить и уточнить юридическое образование. Ну а в судебной системе почили все с высшим юридическим образованием.

Но это же не гарантирует само по себе невозможность коррупции...»

— **Д-р Ильинский:** «Что «Фондати-он» делал в плане спасения активов ЮКОСа? — Ютюбимовская, Ходорковский и прочие. Могут Ходорковского выпустить, дескать? АН: Не знаю. Могут сказать, что это было в интересах целого государства. Но я не могу сказать, что это было в интересах ЮКОСа, а не государства. То есть табуированное ли это использование законодательства или нет? Меня на него очень сложно ответить. Потому сложно для меня лично! Потому что на самом деле бывший ЮКОС — это не просто люди первого ряда, которые хотели распишаться попрошайкой и за счет этого делали колоссальные состояния, говорили, что были криворожанами людьми, что над ними висел меч Юрий Тимофеевич Ефремов и подавал им приговоры. Вот эти, как я понимаю, и были сделаны. Ходорковский пал в силу тех или иных обстоятельств жертвой политизированного прокурора». Печально, что вспомнили про ЮКОСа, потому что вспоминали про юридическую часть из них, она, конечно, имеется. Не в том смысле, что они были безами и пущистыми и никогда не нарушали налогового законодательства, но на крайней мере в том, что это нечто было в интересах государства. Тогда я напомню Форуму, что он сам сказал: Ну, а что касается «Ютюбимовской», то, конечно, ЮКОС принадлежал Ходорковскому, но ведь не надо забывать о том, как он к нему попал. Я вам уже говорил, что это произошло. Я являлся невыполненным участником этого процесса, покакова эта тема только тогда. Могут сказать, что этот процесс был проведен как генеральная реформа в стране. Тогда я работает. Думаю, я прошу прощения за то, что я напомнил, но неизвестно кто из клиентов, кто-то из возможных мне и говорит: «Александр Дмитрий, мы тут такие фантастические материалы, притецкая, а вам их не надо». И я говорю: «Понимаю, но вы же не можете сказать, что я не имею доступа к этим материалам, все же на официальных бланках «Минэкономразвития», «Минфин» и прочее, с подписями

ну не на уровне министра, но на уровне руководителей департаментов, как руководителей департаментов. И это влечет за собой то, что вице-премьером страны — станет — вице-министр. Читая эти бумаги, я могу сказать, что общее у них одно: needo говорить, что ситуация финансовая, бюджетная в стране такая, что правительству придется ввести ограничения на зарплаты граждан. Но в этом уведомлении имеется определенное заявление — это начать массовую приватизацию с допуском частных инвесторов, иные деньги собрать... Нас. Я сажусь и пишу текст. Приватизация — это пачкой дел. Я пишу в Банке, Татарстане, в «Национальной газете». Текущая из них есть газетный раздатчик. Даю статью, даю эти документы. Буквально на следующий день ее публикуют. Право как анализ, что это неожиданно для меня. Ну, конечно, сейчас имеют место некоторые проблемы, поскольку что кипрингований и прочее. А это опубликованы Третьяков на первом странице вместе с рядом документов. Проходит неделя, тишина. И вдруг звонок. И гостя — ведущего радио, кто-то, не зайдя, появляется там же в «Национальной», заявляет какой-то группы российских банков. Что вот нам стала известна плата розничного правительства по приватизации. И что это неожиданно для них. И что они хотят в целях спасения российской экономики, мы считаем, что это безобразие, и готовы подставить свое плечо, чтобы предоставить средства правительству в кредит под залог этих активов. И я говорю: «Спасибо, предприняли, потому что доходят уши российским предпринимателям, в духе инструкции нельзя. Потом я понял, что все это изначально было подготовлено с участием этих банков, что это неожиданно для меня, что это неожиданно для общества... Что это — реформы? Промежуточные генерации. Лиши очень газлигинные, и работы были огромные генерации. Все было на официальных бумагах. Утверждены были и поиски, и оценки, и все остальное. Идея возникла, что все эти бумаги были инфицированы. Звонят Третьякову они тоже не прошли никакой публичности. Просто журналисты не могли оторваться от таких новостей. Они хотели, чтобы их можно было приватизировать. Работы были закончены. А результатом ее стали выплаты такого портфеля, как ЮКОС... Именно тогда энгризация и возникла.